

Кристина Борис Молчаливое Желание

18+

Кристина Борис

Молчаливое желание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69817000

SelfPub; 2023

Аннотация

Отец Яков скоро должен покинуть деревню, чтобы начать свою службу на новом месте. Перед отъездом случается инцидент с немой местной девушкой из-за чего она опозорена до конца своих дней. Священник предлагает забрать её с собой, чтобы помочь девушке начать жизнь с чистого листа. Семья благодарит и безоговорочно отдаёт девушку на попечение отца Якова, однако никто не знает для каких целей она на самом деле ему понадобилась.

Кристина Борис

Молчаливое желание

1 Глава

Небольшая деревянная церковь постепенно наполнялась местными прихожанами. Обычное воскресное утро оживляло это помещение, источающее запах сырости и запустелости, ибо только в этот день люди приходили на мессу, чтобы послушать проповеди отца Якова.

Помещение трудно было отличить от жилого дома, поскольку отличалось лишь крестом на входной двери, которая начала проседать от октябрьской сырости и старости. Ранее был ещё крест на крыше, однако основа прогнила и обрушилась прошедшим летом.

Это поселение было маленьким по своим масштабам – всего лишь семнадцать домов. Однако церковь не могла поместить в себе и такое количество жителей.

Местные мужчины предлагали свою помощь в починке церкви, однако священник учтиво отказывал им, обосновывая тем, что в бедности и нужде находится вся радость. “Кто живёт в бедности, тому открыты ворота в рай!” – твердил отец Яков и сам придерживался своих слов.

Это был худощавый, высокий мужчина средних лет с высоким лбом и умными, проницательными глазами. Все двенадцать лет, что отец Яков пребывал в этой местности, он

не изменял своим привычкам: волосы до шеи, манерность в движениях, легкая улыбка, тихий, слегка убаюкивающий голос.

Священник часто соблюдал посты и доводил себя до обморока в многочасовых молитвах за здоровье местных жителей. Всё своё время он помогал больным и лично приходил к каждому страдающему, чтобы провести личную мессу.

Народ любил и почитал своего священника, который был для них лучшим утешением от всех житейских горестей.

Воскресный день – единственный, в котором не позволялось делать какую-либо работу, потому местные жители встречали каждый воскресный рассвет не в полях, а в церкви, не только из-за богобоязненных традиций, но и из-за любви и уважения к отцу Якову.

Наконец-то к деревянному алтарю, слегка пошатываясь, подошёл священник. Лицо было бледным, а под глазами появились синяки.

“Бедняжка, он ещё не вылез, а всё равно проводит мессу!” – шёпотом произнесла одна из переживающих прихожанок.

“Совсем себя не бережёт. А всё ради нас...” – подтвердила рядом стоящая собеседница.

“Прислали бы кого на помощь! Кто ж сюда приедет, в такую глушь!” – пробурчал мужчина.

“Тшш, вспомни где ты находишься!” – одёрнула недовольного мужчину жена.

“А кто узнает о том, что ему плохо? Никто же письма не отправит! Писать мы не умеем. А отец Яков сам не хочет просить помощи...” – ответила пожилая женщина, а затем сразу запела молитвенную песню, которую подхватили все прихожане. Это ознаменовало начало мессы.

Всё проходило как обычно, однако в конце мессы отец Яков попросил жителей присесть на скамьи, поскольку он намерен объявить некоторую новость.

Такое случалось редко, однако жители не насторожились, а лишь проявили интерес, поскольку объявления касались праздников, постов или других знаменательных событий таких как крещение, свадьба или похороны.

Однако на это раз их ожидала новость, которая изменила бы всё, к чему они так привыкли:

– Вчера вечером мне пришло письмо. Вынужден вам сообщить, что скоро вас ждут серьёзные перемены, поскольку в следующее воскресенье я проведу последнюю мессу и передам вас в руки другому священнику, который прибудет сюда через несколько дней, – так начинал свою речь священник.

– Но как же так?

– Почему?

– А куда вы?

– Вы же столько лет были с нами?

– Меня отправляют в город Р. Там умер их местный священник. Решили передать эту паству мне. Своего рода это

повышение, – грустно улыбнулся отец Яков.

– Но мы так к вам привыкли. Вы наша семья. Как только вы пришли к нам, ещё молодым юношей, мы сразу почувствовали, что вы наш.

– Понимаю. Но, поверьте, меня уверяют, что и этот священник тоже молодой. Недавно окончил учёбу и горит желанием нести слово Божье.

– Вы всегда помогали больным...

– Он тоже будет помогать. Это наша работа. Что ж, мне тоже тяжело принять эту новость, однако моё служение подразумевает кочевание и помощь там, куда меня призовут. К сожалению, я не могу остаться здесь по своему желанию, как бы я ни хотел. Я верен господу нашему и церкви, – тихо ответил отец Яков.

– Конечно, мы всё понимаем. Просто так жалко прощаться с вами. Это такая неожиданная новость. Мы к такому не были готовы.

– Рано или поздно это должно было случиться.

– Надеюсь, вы ещё вернётесь к нам. Отъезжайте в городе и возвращайтесь к нам. Совсем себя не бережёте.

– Это вас господь одаривает щедростью за старание.

– Мы будем скучать.

– Давайте вместе прочтём молитву и затем я одарю вас благословением на целую неделю, – всё так же тихо продолжал говорить священник. Народ подхватил его инициативу, и по церкви раздался гул голосов, которые хором прогова-

ривали молитву “Pater noster”.

В это время священник стоял с закрытыми глазами, опустив голову, а его губы беззвучно шептали молитву вслед за прихожанами, однако мыслями отец Яков ненавидел эту паству и радовался тому, что скоро покинет это гиблое место.

“Тупой скот. Наконец-то после стольких лет многочисленных письменных обращений мне наконец-то дали новое место! Наконец-то это старик помер, хотя должен был умереть ещё пять лет назад. Всё никак не хотел отдавать своё накормленное местечко!

Наконец-то я перестану видеть одни и те же рожи. Тупое, блеющее стадо, которое скоро вымрет! За все эти годы молодые люди уходят отсюда, пока есть возможность. Пока здоровье их пышет, а цвет их молодости не затух! Особенно женщины. Как же они здесь мерзки! Они остаются здесь, пахают наравне с мужчинами и рожают бесчисленный выводок, который умирает, не дожив и до пяти лет!

Многие из них младше меня, а выглядят как старухи. Мерзкие, убогие женщины! Им всегда что-то нужно, в отличие от мужчин: он не хочет жениться, покрестите ребенка, помолитесь, чтобы дитя вылечилось, помогите старцу, он болен, он при смерти, он умер. Помогите. Помогите. Помогите!

Они носили мне свои плоды с огородов, заставляя голодать себя и своих детей, лишь бы молитва сработала! Как же

они жалки! И вскоре я уйду отсюда, но заберу с собой одну награду, которая должна служить мне расплатой за все те годы, что я отдал этому месту.

Если бы я сделал это здесь, никто бы не благоговел передо мной, а в большом городе никто об этом не узнает. Я изначально этого желал, но меня сразу же отправили после учёбы в эту глушь! Как же я жаждал покинуть это место. Сорвать с него последний жизнеспособный плод и унести прочь из этой гиблой земли! Наконец-то моё время пришло!

И я сделаю это!”

Гул замолк. Молитва кончилась. Священник сделал крестное знамение в воздухе, а народ повторил за ним. Отец Яков глазами встретил тот самый плод, который жаждал забрать с собой. Это была девушка четырнадцати лет, которая следила за своей умирающей тётёй – единственной, кто остался в живых, среди её родни.

Девушка, несмотря на свой юный возраст уже сбросила с себя оковы подростковой неуклюжести и выглядела настоящей красавицей среди незрелых сверстниц.

Отец Яков заметил её ещё давно, но он мог лишь наблюдать, как очередная местная девушка смогла бы выйти замуж и окончательно убить свою молодость спустя семь лет после многочисленных родов, смертей и работы.

Однако вчерашнее письмо дало священнику шанс на то, что на этот раз он может получить то, чего желал так многие годы. Власти. Не только над людьми, но и над женщиной.

Отец Яков знал, что к этой девушке уже сватался местный парень, однако священник намеревался забрать с собой это напуганное дитя. Осталось только уговорить её умирающую тётю. А если она не согласится...

Что ж, священник уже и здесь всё предусмотрел...

2 Глава

Маленький Яков вытирал слёзы рукой, которая меньше всего пострадала от ударов. Во дворе разливался детский смех местных ребят, которым была чужда грамота и учение латыни. Это ещё больше заставляло мальчишку досадовать на несправедливость.

Почему он не с ними? Почему его отец стал священником, а не обычным крестьянином? Почему у него есть сёстры, но нет ни одного брата? Почему они не могут учиться, а он, как мальчишка, должен? Почему бумага и проклятые чернила стоят так дорого? Почему учёба так скучна? Почему так тяжело?

Сегодня отец разозлился не на шутку, когда Яков пролил флакончик с чернилами на пергамент с письменами. Письмо Якову давалось особенно тяжело, но сегодняшней случай окончательно вывел из себя и без того сурового отца.

Когда мальчишка получал свои положенные удары, мать молча смотрела, глаза её были сухи, а лицо не выражало никакого сожаления. Яков до последнего надеялся, что она заступится за него, заставит отца остановиться, как обычно она

заступалась за девочек, однако с ним мать и в этот раз была холодна.

“Почему ты не остановила его?” – спрашивал Яков, когда отец покинул комнату.

“Ты мужчина. Тебя ждёт иное будущее. Тебе действительно нужно стараться. Ты не представляешь, как дорого обучать тебя. На тебя возложены великие надежды. Ты не должен подвести”.

Девочкам проще. Они должны уметь шить и готовить. Им не надо учиться. Они выйдут замуж и будут следить за домом и воспитывать детей. Что в этом сложного?

Слёзы высохли, а жгучая обида на мать и сестёр засела глубоко в маленькой, несозревшей душе. Яков достал из ящика новый пергамент и, макнув перо в чернила, повторно принялся за ненавистную работу.

...

“Вот! Вот они!” – восхищённо прошептал долговязый мальчишка, продолжая глядеть в щель между плохо сколоченными досками. Группа из остальных ребят подбежала к щели и наперебой пыталась взглянуть. Среди них был и Яков, который тщетно пытался наладить общение с ними, однако различие в социальном статусе создавало невидимую пропасть.

Врождённая скованность и жеманность создавали впечатление, будто Яков брезгует и, в некотором роде, презирает других. Однако это было не так. Мальчику было весело с ни-

ми, своего рода он восхищался их смелостью, задору и свободе.

Его недолюбливали и даже завидовали тому, что он живёт в доме с двумя этажами, умел читать и писать, а также всегда имел сытую пищу и тёплую, непоношенную одежду. Неприязнь была незначительна, поскольку Яков подкупал тем, что приносил с собой остатки обедов. Дружба была выгодна до тех пор, пока мальчишка мог приносить еду.

“Ого! Они абсолютно голые!” – подхватил другой мальчишка. Остальные ребята стали активнее выбивать себе место у щели. Это была общественная баня, и сегодня был день женщин.

Это был первый раз, когда мальчики решились на подобное. Несмотря на то, что Яков воспитывался в достаточной строгости, ему не чужды были и вполне мирские шалости. Всё началось с кражи еды для установления дружбы, а далее мальчик почувствовал некоторую внутреннюю свободу, которая смещала совесть в дальний угол.

Вот и сейчас Яков охотно засматривался в щель и наблюдал за голыми женщинами, когда подходила его очередь. Это было недолго и неудобно, однако и этого было достаточно для восторга: особенно для того, кто впервые открывал для себя иной мир.

Уступив своё место, чтобы дать посмотреть остальным ребятам, Яков отошёл в сторону и, почувствовав знакомое ощущение возбуждения, он запустил руку в штаны, чтобы

слегка подразнить себя. Он не считал это чем-то постыдным, поскольку уже не в первый раз видел, как ребята делали подобное, не стесняясь присутствия других. Он думал, что это своего рода посвящение, мост, позволяющий перейти тот самый невидимый овраг отчуждения. Он желал стать равным им.

“Что ты здесь делаешь, Яков?!” – раздался грозный мужской голос из-за угла. Это был отец, который проходил мимо бани и заметил свору подглядывающих ребят. Всё внимание мальчишек переключилось на отца, а затем на Якова, который от неожиданности застыл на месте, забыв о том, что его рука до сих пор находится в штанах.

“Паршивец! Паршивцы!” – свирепел отец, приближаясь к мальчишкам. Детский смех разлился по улице, когда ребята начали врассыпную разбежаться по улице.

Священнику было уже всё равно на разбежавшихся ребят, он схватил Якова за плечо: “Убери руку! Это грех! Как ты посмел?! Ты позоришь меня! Меня! Священника!”

В тот день Яков получил щедрую порцию побоев, а мальчишки с тех пор одарили его обидным прозвищем, которое закрепилось за ним на несколько лет. Тонкая связь, которая сдерживала неприязнь, порвалась, и Яков стал посмешищем в глазах местных ребят.

Яков тяжело справлялся с новым статусом изгоя. Лишь спустя некоторое время отец сжалился над сыном и объяснил, что даже если бы этого не произошло, любой другой

случай рано или поздно спровоцировал бы подобную вражду.

“Каждый из нас утопает в страстях. Гнев, прелюбодеяние, уныние, зависть. Ты, хоть и мал, но уже погряз в грехах. Даже сейчас ты пребываешь в унынии, пока они пребывают в зависти. Они завидуют твоей сытости и потому ещё больше потешаются над тобой...учись...тебя ждёт лучшее будущее...их ждёт бедность...выживание...борись со своими страстями...”

Остальные слова для Якова были неважны – он услышал то, что желал. Наставление отца стало желанным толчком к тому, чтобы стать лучше. Все свои силы Яков перенёс на учёбу, прервав общение с ребятами.

Он поселил в своём сердце чувство собственного превосходства, постепенно насыщая его представлениями о том, как печально сложатся их жизни. У него будет сытое будущее – он будет читать им наставления, исповедовать их. У него будет власть, о которой они и не смеют мечтать.

Он может отказать им в венчании, погребении, крещении, если сочтёт неприемлемым их ситуации. Они будут умолять и благодарить, если он снизойдёт и озарит их крестным знамением. Вот для чего ему стоит учиться и становиться каждый день всё лучше и лучше.

...

Несмотря на то, что спустя годы случай был позабыт, о былом отношении между Яковым и теми ребятами не могло

быть и речи. Более того Яков вообще ни с кем не мог завести отношения, будто намеренно избегал этого. Теперь это был высокомерный юноша, который не позволял себе даже взглянуть в сторону людей, которые были ниже его по статусу.

Часто он встречал едкие уколы в свою сторону, когда всё-таки приходилось встречаться с прошлыми “друзьями”.

“Ох простите, от нас слишком воняет, раз морщишь свой нос при виде нас”.

“Да его только старые монашки прельщают”.

“А может ему по вкусу свиньи? Они же не смеют ему отказать?”

“Да он кроме своих книг ничего не видит!”

Яков стоически выдерживал подобные высказывания, утешая себя тем, что скоро всё изменится.

Скоро его ждал переезд в семинарию и дальнейшая учёба вдали от дома. Яков знал, что это будет место, в котором живут одни мужчины, выдерживающие месяцами длительные посты. Это место станет для него новым домом, а дальше – путь в священники.

Перед тем, как отправиться в то место, он должен был отринуть всё мирское, чтобы его молодая и ещё пылкая душа смогла пережить все утраты и испытания. Яков решил во что бы ни стало вкусить самый желанный плод, прежде чем от него отказаться. Молодое тело давало о себе знать, а разум не мог спокойно отказаться от того, чего тело ещё не пробо-

вало, но так сильно желало.

Изменив своим принципам, он начинал общение с крестьянками, чтобы получить желаемое. Чем беднее была семья, тем более встречались раскрепощённые и беспринципные девушки.

Наконец-то Якову улыбнулась удача, и местная девушка Энн дала своё согласие. Они договорились о встрече, когда наступила очередь Энн пасти овец.

В назначенном месте Яков и Энн уединились вдали от людских глаз. Девушка знала, что нужно делать, и потому уже в скором времени Яков впервые видел так близко обнажённую девушку. У неё были большие груди, круглый, но соблазнительный живот и крутые, широкие бёдра. Юноша принялся неумело, но страстно целовать груди и бёдра Энн.

От сильного желания, смешанного с первичным страхом неизвестного, Яков не успел познать женщину и изверг семя на бедра Энн. Смущение овладело юношей и более он не мог заставить себя вновь возбудиться, хотя до этого он не испытывал с этим трудностей, когда втайне предавался одинокому блуду.

– Может в другой раз? – с ухмылкой спросила Энн.

– Сейчас. Сейчас. Подожди, возьми его в руки, – Яков отчаянно прижался к девушке, намереваясь осыпать её новой порцией неловких поцелуев.

– Такое бывает. Успокойся, – Энн пыталась оттолкнуть пылкого любовника, не скрывая раздражения.

– Мы ещё встретимся? – умоляюще спросил Яков.

– Посмотрим. Скоро придёт моя сестра на замену, так что тебе стоит поторопиться.

– Хорошо, – Яков спешно натягивал штаны.

Вскоре к обычным издёвкам со стороны местных юношей прибавились и пикантные оскорбления о неспособности удовлетворить женщин.

“А наш святоша вовсе и не святой!”

“Так сильно рукоблудил над книгами, что не знает, как обращаться с женщинами!”

“Да у него из-за этих книг член усох, даже в её руке он был мал!”

“Неудивительно что он не смог!”

“Интересно, как он исповедуется своему отцу?”

“А в чём исповедуется, если ничего не произошло?”

На этот раз Яков не мог спокойно проигнорировать подобные высказывания. Его поразило то, что Энн всё рассказала. И кому? Местным задирам? Это был позор. Несмыываемый позор, который не сравнится с тем детским поступком у общественной бани. Это было пятно на репутации. Это был крах.

Сплетни дошли и до семьи, однако отец лишь красноречиво дал понять, что юноша сам виноват в случившемся: “Опрометчиво доверять крестьянской дуре. Если она посто-

янно раздвигает ноги, то что мешает ей открывать свой рот?”

Юноша не смел подойти к Энн и выяснить, почему она так поступила. Другие девушки его избегали и будто бы насмехались над его неудачей. Желанный плод был недостижим. Яков углубился в своё учение и практически не выходил из дома до самого отъезда в семинарию.

...

Следующие годы учёбы были скучными и унылыми, однако юноша находил в этом успокоение и спасение. Больше никто над ним не потешался. Теперь его повсюду преследовало молчание.

Он не единожды был свидетелем того, как нарушались обеты даже самыми суровыми наставниками: проститутки или маленькие мальчики были частыми гостями.

Однако Яков не следовал этому примеру, поскольку мальчики его не интересовали, а женщин он остерегался, поскольку был уверен, что он не способен их удовлетворить.

Он яростно соблюдал посты и воспитал в себе высокое чувство самообладания. Из неуклюжего подростка он превратился в нелюдимого и худощавого молодого мужчину, который готов был исполнить свой долг.

Годы шли. После окончания учёбы, отца Якова распределили в эту малочисленную деревню. Когда он увидел, где ему стоит пребывать неизвестное количество времени, молодого священника постигло разочарование. Однако вскоре это чувство сменилось на удовлетворение, после того как он

увидел, с какой благодарностью, благоговением, уважением смотрит на него местный народ.

Он так жаждал это увидеть ещё с малых лет, и теперь этот момент, к которому он так усердно шёл многие годы, настал.

Вскоре, когда Яков стал полноправным хозяином этой паствы, он стал приглядываться к молодым девочкам и начинал понимать, что его прельщает. Женщины пугали своей уверенностью и отпором, а молодые девочки, которые видели в нём божество, могли беспрекословно подчиняться. Уж они точно не смогли бы насмеяться над ним в случае неудачи. Он сильнее их. Он влиятельнее их. Они так зависимы от него. Они так им восхищаются. Они не знают...сравнения.

Однажды отец Яков чуть не перешёл эту черту и не соблазнил одну из маленьких прихожанок, которая охотно могла исполнить всё, что бы он ей ни приказал. Однако разум заставил вовремя остановиться.

Соблазнишь. И что будет дальше? Она сумеет молчать об этом? Деревня маленькая. Все друг друга знают, и никто не держит секретов. Я же священник. Это скандал. Я не имею связей в виде влиятельных кардиналов, которые могли бы меня защитить.

А если она будет молчать, то, что дальше? Забеременеет? Повзрослеет? Познает другого и поймёт как я плох?

Эти страхи заставили отца Якова держать свои страсти при себе. Все эти годы, что он пребывал здесь, ему приходилось наблюдать как хорошенькие девочки взрослеют, выхо-

дят замуж и резко дурнеют, обзаведясь своим выводком.

Несмотря на то, что девочки превращались в красивых девушек, отец Яков видел во всех них уродство, ведь каждая напоминала ему ту самую Энн.

3 Глава

Спустя столько лет удача вновь была на стороне отца Якова. Уже скоро он покинет это убогое место, будет почитаем куда большим количеством людей. Но, прежде чем уехать, нужно захватить с собой то, что забрало у него годы молодости и энергии.

Он уже давно примечал красоту этой рано распустившейся юности в виде сироты по имени Тавифа. Она не пропускала ни одной мессы, молясь за здоровье своей умирающей тёти. Эта девушка, несмотря на свой возраст, уже прекрасно понимала всю реальность. Не будет тёти – она останется совсем одна.

Тётя Тавифы тоже понимала, что время её на исходе, а судьба племянницы неизвестна. Однако надежда не спешила покидать этот дом, и вскоре к постели умирающей пришла соседняя семья с предложением женить Тавифу на их пятнадцатилетнем сыне Давиде.

Если бы Тавифа не сопротивлялась и не надеялась на то, что тётя ещё сможет оправиться, девушка бы уже давно вышла замуж. Тётя просила выйти замуж до её смерти, ведь она мечтала увидеть напоследок то, что её племянница будет в

безопасности и сносном недостатке.

Тавифе не нравился Давид, однако с каждым днём в глубине души ей приходилось мириться с мыслью о том, что выбора у неё нет.

Отец Яков наблюдал за этой драмой, однако, после того как в его руки попало то самое письмо, он посмотрел на Тавифу как на долгожданный подарок судьбы.

На следующий день после той самой мессы, в которой было объявлено о том, что священник покидает их, тёте Тавифы стало совсем плохо. Несчастливая женщина попросила привести отца Якова, чтобы тот смог её исповедовать напоследок.

Священник воспринял подобное предложение как знак, чтобы начать действовать. Он стремительно пришёл в дом Тавифы и тётки и, после исповеди, намеревался попросить тётку отдать её племянницу, чтобы защитить от одиночества и голода. Яков желал убедить тётку, что поспешный брак может навредить девушке, и у каждого есть ещё что выбирать.

Когда женщина еле слышно исповедовалась, отец Яков мысленно обдумывал, как начать разговор, исподтишка подглядывая в окно, где Тавифа и Давид о чём-то общались. Судя по лицу Тавифы, ей не нравилась беседа, однако Давид мягко держал её за руку, будто не желал отпускать. Неожиданно девушка резко отдернула его руку и ушла в противоположную сторону.

“Она может дать отпор,” – подумал про себя Яков. А тёт-

тя тем временем, сконцентрировав оставшиеся силы в голос, спросила священника о том, что стоит ей делать с Тавифой, поскольку девушка не желает выходить замуж за Давида.

“Если я её всё-таки заберу с собой, а она будет против, она же может сопротивляться. Она знает, что её тётя умирает, у неё плохое положение, но она всё равно дерзит своему спасителю в лице Давида. А я? А если она сбежит и смеет рассказать обо мне? Это будет крах моей должности. Крах всему. Она не боится ничего потерять, ведь у неё уже практически ничего нет.

Применить силу? Надолго ли хватит? А потом она повзрослеет, то, что будет дальше? А я старею, и силы уменьшаются. Рано или поздно эта птица выпорхнет, и мне наступит конец. Нет, нельзя рисковать. Сейчас она всего лишь отталкивает руку, но это только сейчас...”

Тётя ещё раз спросила священника, поскольку думала, что слишком тихо задала вопрос. Отец Яков в этот момент перестал размышлять и, услышав вопрос, ответил, что для всего нужно время. Она обязана выйти замуж за Давида, и скорая утрата единственной родственницы заставит её согласиться.

Так отец Яков отказался от идеи забрать с собой Тавифу.

...

В ночь с четверга на пятницу в келью, где проживал отец Яков, настойчиво постучали. Это была худая женщина с девочкой-подростком по имени Эдна. Священник, запахнув халат, открыл дверь и впустил к себе гостей:

– Простите нас, отец Яков, что мы так поздно пришли. Но в наш дом пришла беда. Я не знаю, что делать и к кому обратиться, – спешно начала разговор женщина и разразилась слезами.

– Прошу вас, дитя моё. Не плачьте, – сонно ответил священник, вскользь глянув на сидящую рядом Эдну, глаза которой уже высохли от ранее пролитых слёз. Девушка была с рождения немой, потому ничего от неё невозможно было узнать. Пришлось ждать того момента, когда её мать успокоится и сможет всё рассказать.

– Сегодня вечером я увидела нечто ужасное. Давид, этот мерзкий гадёныш, изнасиловал мою Эдну! Он всё отрицает и говорит, что она сама склонила его к этому. Молча повела в хлев и разделась. Но Эдна утверждает иное. Она мотала головой, была заплакана. Она была девственницей! Посмотрите на неё, разве она может склонить по своему желанию кого-то?

– Успокойтесь. Вы разговаривали с семьёй Давида?

– Конечно! Они твердят, что мы намеренно врём, чтобы женить Эдну на Давиде. Мы же беднее их. У меня восемь детей, муж погиб, а выдавать детей надо, чтобы лишний кусок хлеба не ели. А тут немая! Никто ж её не возьмёт. Вот я и придумала подобное. Но нет! Я никогда бы такое не сделала! Я люблю каждого своего ребёнка! А Эдну ещё больше! Ей и так досталось больше всех! Я жалею её больше всего! Моя девочка! – женщина вновь зарыдала.

– Что хотите от меня?

– Правосудия! Правосудия! – кричала в слезах женщина. – Не нужен мне такой жених для дочери! Приведите его в церковь и пусть повторит то, что он сказал сегодня ночью мне! Он не сможет врать в этом месте!

Его семья сказала, что, если я буду добиваться этого сама, все узнают про это. А это позор! Позор для моей девочки! Её и так избегают, не будет у неё счастья! А ей всего только двенадцать!

– Вы хотите, чтобы я подозвал его в церковь, будто не знаю всей ситуации, а там уже начнём суд?

– Да! Да! Прошу вас! Я хочу очистить имя дочери от лживых слов! Её унизили! Вы же сами знаете, что она никого не обидит. Я знаю её полностью. Мы всегда вместе. Вы же сами нас вместе исповедуете, я за неё говорю все грехи, а она лишь кивает. Вы же...

– Дайте подумать. Я приду к вам утром и всё обсудим. Я хочу всё продумать, – зевнул священник. – Успокойтесь, я не оставлю вас в беде. Я что-нибудь придумаю.

– Спасибо! Спасибо! – женщина упала на колени, а следом за ней медленно встала на колени и Эдна. В глазах девочки была видна искренняя благодарность за обещание.

...

После случившейся встречи священник не мог уснуть. Только он успокоился и смирился с тем, что ему не суждено взять с собой Тавифу. Но сейчас появилась Эдна! Немая

девушка, ещё неуклюжая и несформированная, покорна и уступчива.

Правда её глаза всегда говорят правду. И в этот раз было видно, что мать Эдны не врёт – её изнасиловали. Она зависима, не знает ласки, опозорена, беззащитна. Она идеальна!

Ранее Яков не обращал на неё внимание. Обычная девочка, худощавая, как её мать, бледная кожа, местами даже синяя из-за просвечивающих сосудов. Волосы настолько светлые, что, кажется, у неё нет ни бровей, ни ресниц.

Надо было действовать. Прямо здесь и сейчас.

...

Утром священник пришёл в гости к матери Эден. Их дом выглядел ещё хуже, нежели церковь. Два года назад произошёл пожар, в котором погиб глава семейства. Дом наполовину сгорел, крыша провалилась, но женщине с детьми некуда было идти. Почему-то в таком малонаселённом месте, никто друг другу не помогал, несмотря на то что все друг друга знали.

Отец Яков часто приносил им еду, которую ему дарили жители. Потому, когда он на этот раз пришёл к ним в гости, свора детей радостно приняла его.

Мать Эдны, казалось, за эту ночь ещё сильнее похудела, однако в глазах горел огонь правосудия и возмездия:

– Я много думал над случившимся и решил, – уверенно начал своё общение священник. – Эдна, присядь пожалуйста рядом с матерью.

– Что будем делать? – с жаром спросила мать Эдны, отодвигаясь, чтобы дать присесть своей дочери.

– Я не буду этого делать.

– Но как же? Её изнасиловали!

– Тсс, – священник приложил палец к губам. – Нас могут услышать, и тогда имя вашей дочери будет опозорено.

– Но если мы не сделаем этого, она и так будет носить его с таким позором.

– Поймите, я верю, что Эдна действительно не виновата. Но если мы начнём наш суд, подумайте, что будет с ней дальше. Даже если докажем, что Давид виновен, что будет с Эдной?

– А что с ней станет?

– Она станет мишенью. Она не умеет говорить. Не смеет пожаловаться на случившееся. Ей сейчас повезло, что вы заметили это, но в следующий раз негодяй может быть предусмотрительней. Мужчины поймут, что её легко можно использовать. Женщины возненавидят. И кому от этого будет хорошо? Вы понимаете, к чему я веду?

– Ох, – вырвался звук из груди женщины. – Так что же нам делать?

– У меня есть одно решение.

– Говорите, мы сделаем всё, что в наших силах.

– Я могу её забрать с собой в большой город. Но только её. Сделаю помощницей. Будет помогать мне с больными. А затем я найду ей достойного мужа, как придёт время. Город

большой, но её никто не знает. А эту историю, что случилось вчера, не узнает никто. У неё есть шансы начать лучшую жизнь. Быть может, она потом и вас перевезёт к себе. Я буду вам писать письма, а новый священник будет вам читать их.

– Отец Яков...

– Эдна, – обратился на этот раз священник к девочке. – У тебя нет выбора. Давид собирается жениться на Тавифе. Я понимаю, почему он сделал это с тобой. Но также я понимаю, что нужно сделать, чтобы тебе стало намного лучше.

– Эдна, моя девочка. У тебя будет шанс, – женщина повернулась к дочке. – Но я так не хочу отдавать тебя.

– Вы вручаете её мне. Неужели мне не доверяете? – наседал священник. Он чувствовал себя победителем, потому что понимал, что женщина легко сдаётся.

– Доверяю, конечно, но...

– Так подумайте о своей дочери. И если вы её любите, как говорили мне сегодня ночью, то обязательно согласитесь на это. Ваше ночное решение – пример эгоизма. Вам обидно за себя, что недоглядели. А эгоизм, это грех.

– Да, грех. Но я любл...

– Тогда отпустите её. Она будет жить в хорошем доме. Каменном. Будет иметь свою постель. Не будет знать голода. Будет иметь работу. Сможет заиметь друзей. Найти себе мужа. Любому ребёнку, который здесь живёт, никогда такого не добиться. А я дам всё это Эдне.

– Хорошо! Эдна поедет с вами.

– Тогда собирайтесь. Мы уезжаем послезавтра после мессы.

...

Месса проходила тихо. Отец Яков стоял рядом с новым, молодым священником, и читал последние молитвы в этом месте. У входа в церковь стояла повозка, набитая припасами на первое время. Вещей что у священника, что у Эдны, практически не было.

Вся деревня собралась провожать отца Якова. Мужчина, дав последние наставления народу и новому священнику, сел в повозку рядом с Эдной. Повозка тронулась. Эдна взглянула на священника с благодарностью и после, отвернувшись, беззвучно заплакала.

4 Глава

“Наконец-то вы прибыли к нам! Мы ждали вас ещё вчера!” – радостно приветствовал Якова старый служащий. Сразу же после сказанной фразы он заметил Эдну, робко стоящую за спиной новоприбывшего священника. “Это моя доверенная. Она будет помогать мне в уходе за больными, а также в поддержке чистоты моей личной комнаты. Также я доверю ей приготовление пищи, поскольку она знает все мои предпочтения и рекомендации врачей.” – уверенно отвечал Яков, не давая вмешаться в беседу служащему.

“Конечно. Только у вас будет не комната, а личный дом. Наш ныне почивший священник там жил, а вашу... а как вас

зовут?” – заискивающе спросил мужчина.

“Несчастливая с рождения немая. Её зовут Эдна.” – спокойно ответил Яков.

“Прошу прощения. Не догадался. Могу ей предложить отдельную комнату в сестринском доме. Он, обычно, не слишком занят. Всего несколько монахинь живут. Но, обещаю, они не побеспокоят её. Давайте покажу вам всё!” – с этими словами служащий сделал пригласительный жест в сторону извилистой улицы.

За то время, что служащий показывал основные места, девушка озиралась по сторонам, всматриваясь в каменные здания города. Она впервые видела булыжник на дороге, каменные стены и многочисленные толпы незнакомых людей.

Яков то и дело подзывал растерянную и, в то же время, восторженную девушку, пока они не дошли до дома, где должен будет проживать священник. После того как дом был осмотрен, Яков ласково сказал девушке, что завтра, перед утренней службы она должна сюда будет прийти и приготовить ему еду. Эдна покорно кивнула.

“Быть может лучше вы завтра с монахинями вместе поедите с утра? В доме совсем нет еды, а рынок в воскресенье пустует. Традиция такая. Бедняжке негде будет достать нужных продуктов.

Порадуйте с утра своим присутствием монахинь. Заодно и познакомитесь. Уверен, они стряпают не хуже вашей помощницы. А уже к вечеру, после того как монахини дадут свои

припасы, Эдна сможет уже что-нибудь вам приготовить.” – предложил служащий, ласково, по-отечески, глядя на Эдну.

“Вы правы. Заодно умоется, отдохнёт после дороги. Эдна, ты всё поняла, что тебе сказали?” – мягко спросил Яков. Эдна кивнула и улыбнулась.

“Значит завтра ты придёшь сюда после вечерней службы. Твоя мама часто угощала меня натёртой свёклой. Вот это и приготовишь.”

...

Двухэтажный сестринский дом находился неподалёку от дома священника. За это время город успел погрузиться в вечерний мрак. Постепенно стали появляться огни на уличных фонарях. Для Эдны это было очередное невиданное зрелище. Теперь она могла не бояться темноты, как это было раньше, ведь в этом городе светло даже тогда, когда заходит солнце!

“А вот и сестринский дом. О, сестра Августа ещё не приступила к вечерней молитве! Сейчас я её подзову.” – служащий удалился, однако вскоре он пришёл вместе с монахиней средних лет.

“Отец Яков. Весьма рада вас встретить. Надеюсь, вам понравится наша парафия. У нас достаточно много людей, так что вам точно не будет скучно. А вам, юная помощница, следует показать вашу комнату?” – улыбаясь, обратилась монахиня к Эдне. Девушка молча подошла к женщине, приняв её вопрос за приглашение.

Яков неловко кивнул в знак приветствия и робко ответил: “Я приду к вам завтра, как только начнёт светать. Познакомлюсь со всеми и разделю с вами трапезу. А сейчас, разрешите отдохнуть от дороги. Надеюсь, Эдне понравится её комната.”

После этих слов Яков удалился в свой дом, здороваясь по пути с местными жителями, которые с любопытством разглядывали нового священника. Служащий также поспешно покинул женщин и, с чувством выполненного долга, ушёл в противоположную сторону, в свой дом.

Эдна же последовала за сестрой Августой в дом. Монахиня повела её по длинному коридору и, указав на правую дверь в конце коридора, тихо сказала: “Там есть таз и ночной горшок. Воду скоро принесу. Не переживай, принесу сама, пока отдохай. Мне сказали, что ты не можешь говорить. Иосиф, тот служащий, успел сказать. Какое несчастье. Ну ничего. Господь нам поможет подружиться и стать одной большой семьёй. Располагайся.”

Девушка зашла в своё новое жилище. Комната была пустой, но опрятной. Кровать с худеньким матрасом, набитый сеном, маленькое окошко, стул с тазом, ночной горшок под кроватью, небольшой столик, подсвечник и деревянный крест, висящий на изголовье кровати.

Эдна спала со своей семьёй в одной большой подстилке на полу. Братья и сестры часто болели из-за сырости, и Эдна в том числе страдала от этого тоже. Но больше всего она не любила жару. Именно в тёплую погоду Эдна просыпалась

посреди ночи, липкая от пота, поскольку все спали слишком плотно друг к другу. Это было неудобно, но, почему-то сейчас девушка вспоминала об этом с некоторой теплотой и тоской.

Да, об отдельной комнате она и мечтать не могла, но зато сейчас, ей позволена такая роскошь! Но почему-то именно сейчас Эдна хотела переночевать хотя бы ещё одну ночь на той неудобной подстилке в кругу своих близких.

...

После скромного завтрака и формального приветствия священника с монахинями, началась утренняя служба. Церковь напоминала крепость, по сравнению с тем деревянным домом, что был в родной деревне девушки.

Несмотря на то, что это было утро понедельника, народ не торопился с работой – все хотели посмотреть на нового священника, потому церковь была полностью заполнена. Никогда Эдна ещё не видела такого большого количества людей. Да и сам священник, отвыкший от большого количества людей, был несколько удивлён своей новообретённой популярностью.

Одновременно с удивлением он испытывал и чувство довольствия властью. Он добился желаемого: его почитало огромное количество человек, он вызывал интерес, а вскоре они будут раболепствовать и слушать каждое его слово, всматриваться в каждый жест, выискивая в этом божественную силу.

Практически всю ночь он репетировал свою речь, чтобы произнести её на своей первой службе в новом месте. Казалось, будто он не знал, что такое неуверенность, однако всё внутри Якова паниковало, но не давало о себе знать.

Всё прошло великолепно. Первое впечатление возымело должный эффект. Народ шептался и изумлялся мудрости нового священника. Эдна смиренно стояла в первом ряду, в окружении монахинь, и также изумлялась энергии отца Якова.

Никогда ещё его речи не были такими страстными, а жесты такими размашистыми. По сравнению с тем, как он проводил службы в её родном месте, там он был безжизненным, но здесь...здесь он проснулся от многолетнего сна и желал разбудить остальных спящих.

Это был совсем другой человек. Не тот спокойный и мудрый священник, спаситель от позора, а могущественный и энергичный оратор. Она ещё не знала, что вечером она увидит ещё одну, ранее до этого невиданную личность отца Якова.

...

Вечером, как и было сказано священником, девушка пришла в дом Якова с корзиной заранее разваренной свёклой, чтобы побыстрее приготовить ужин. Священник, одетый в легкую ночную тунику и длинный льняной халат, сидел за столом и делал какие-то заметки.

Когда Эдна вошла в дом, он лишь кивнул и улыбнулся,

погрузившись дальше в своё чтение. Девушка стала осматривать печь, котелки и то, на чём можно было что-то здесь приготовить. Яков, сославшись на то, что не хочет мешать хозяйничать, ушёл в свою комнату.

Вскоре Эдна приспособилась к импровизированной кухне и дом наполнился ароматом разогретой еды. Яков пригласил девушку за стол, чтобы она вместе с ним разделила ужин. Она не смела отказать. Во время ужина мужчина говорил о планах Эдны: ознакомиться с рынком, закупиться продуктами, которые ей скажут монахини, так как список у них, навестить первого больного и помочь ему со стиркой белья.

Однако вскоре священник изменился в голосе: “У нас остался один нерешённый вопрос. Пошли со мной.”

Эдна последовала за священником, предполагая, что сейчас речь пойдёт о новой работе на следующий день. Это была спальня. Комната была абсолютно схожа с комнатой Эдны за исключением того, что здесь были аккуратно расставлены книги.

“Ты же не исповедалась после совершённого греха с Давидом. Ты врала своей матери...”

Эдна удивилась услышанному и яростно стала мотать головой в знак отрицания. Однако священник лишь разочарованно вздохнул: “Я знал, что ты будешь это отрицать. Ты погрязла во грехе.

Если бы ты не хотела, Давид ничего бы с тобой не сделал. Ты соблазнила его. И сейчас этот грех растёт в тебе. Ты

бы дальше погрязла в распутстве, если бы не я. Я намеренно взял тебя с собой, чтобы спасти твою душу. Ты помогаешь мне. Я помогаю тебе. Ты прислуживаешь мне как жена. Как жена в священном браке господнем. Так служи до конца, чтобы обмануть дьявола, который искушает тебя.”

После этих слов Яков сбросил с себя льняной халат, оставшись только в ночной тунике. Шокированная Эдна собиралась бежать, однако священник успел схватить её за руку и прижать к себе. Девушка вновь принялась мотать головой, глядя в глаза мужчине.

Он прижал её голову к своей груди и, поглаживая, продолжил также спокойно говорить: “Тебе некуда бежать. В сестринский дом тебя не пустят, если я этого захочу. А в городе ты станешь легкой добычей для таких как Давид или, возможно, ещё хуже. Что ты будешь делать дальше? Прибежишь домой? У тебя его нет. Что скажет твоя мать? Обрадуется ли она возвращению опозоренной дочери?”

Я же даю тебе кров, пищу и безопасность...”

Эдна понимала все слова, что ей ласково проговаривал священник, однако, несмотря на спокойный тон, речь его была жестока. Девушка понимала, что у неё никого здесь нет. Она никому ничего не сможет доказать, как и в случае с Давидом. Её никто не поймёт.

Тем временем священник медленно развязывал шнуровку её корсажа. Девушка не сопротивлялась, застыв в оцепенении. Яков, приняв это как за согласие, мягко привлёк Эд-

ну на кровать. Мужчина повис над ней, обнажая только проявлявшуюся грудь девушки от рубашки.

Увидев кусочек обнажённого участка тела, Яков вожде-ленно вздохнул и приложился губами к маленькому соску. Эдна учащённо задышала, но не от возбуждения, а от стра-ха и отвращения. Образ, который всё это время жил с ней, мгновенно разрушился, и перед ней был уже не благодетель-ный спаситель, а очередной похотливый мужчина, который намерен причинить ей боль, утолив свою жажду.

Целуя грудь своей покорной служительницы, мужчина стал задира́ть юбку и, блуждая рукой по внутренней стороне её бёдер, наконец-то достиг желаемого. Поглаживая её свет-лые лобковые волосы, мужчина начал пальцем изучать её ло-но. К своему разочарованию он обнаружил, что Эдна абсо-лютно суха, однако это не помешало почувствовать давно за-бытое чувство возбуждения.

Не имея терпения больше ждать, мужчина приподнял свою тунику, обнажив свой член, и начал вводить его в де-вушку. Эдна не шевелилась, но никак не помогала процессу, будто её не существовало в этот миг. Вспоминая прошлый раз с Давидом, она не сопротивлялась, ибо так она делала себе больнее. Она смотрела на потолок и желала лишь о том, чтобы это закончилось как можно быстрее. Только боль от вхождения заставила её сильно содрогнуться.

Яков тоже испытывал боль от натяжения, ему казалось, что что-то на его члене вот-вот порвётся, поскольку он никак

не мог попасть внутрь. Злясь на себя и мысленно готовясь к очередному поражению, он продолжал проталкивать член вглубь Эдны, пересиливая неприятные ощущения.

“Возьми его в руки!” – прошипел Яков, схватив руку Эдны и протянув к члену. Девушка слабо схватила его, продолжая дальше избегать взгляда со священником. Яков же не сдавался и продолжал вводить внутрь пальцы. Наконец-то он почувствовал влагу, и вторая попытка ввести член увенчалась успехом.

“Энн была сразу мокрой. Эта заносчивая дрянь!” – думал про себя Яков, когда окончательно погрузился в Эдну. Несмотря на то, что член был плотно сжат из-за того, что Эдна явно не желала священника, мужчина продолжал своё дело.

Вскоре Яков от удовольствия излил семя внутрь девушки и, пролежав на ней ещё некоторое время, спешно стал приводить одежду девушки в порядок, а затем, избегая взгляда с ней, вскоре и вовсе удалился из спальни, крикнув о том, что ей пора идти в сестринский дом пока не потемнело.

“Напоминаю, завтра утром, после службы, пойдёшь на рынок.” – крикнул Яков из другой комнаты, но голос, как бы ни пытался уверенно священник прокричать напоминание, выдавал волнение и стыд.

Эдна всё так же неподвижно лежала на спине, глядя в потолок, не веря во всё происходящее. Однако, услышав приближающиеся неуверенные шаги священника, девушка рез-

ко встала с постели и спокойно ушла прочь, чтобы избежать повтора.

5 Глава

“Что же я натворил? Это же грех! А если она понесёт дитя? Каков я глупец, что поддался этому! Зачем я это сделал? Идиот. Идиот? Идиот! Зачем я взял её с собой?” – Яков закрыл входную дверь за девушкой.

“Неужели нужно было совершить подобное, чтобы понять, что со мной всё в порядке?” – наконец вслух прошептал священник, оставшись наедине.

“Стоило. У меня получилось. Я получил желаемое, и даже больше. Я получил...власть.” – шептало его второе “я”. – “Страх – нормальное явление, когда переступаешь границу привычного.

Кто был свидетелем подобной сцены?

Никто.

Кто из нас не грешит?

Никто. Даже Эдна грешна.

Кто осудит меня?

Только я сам...”

На следующее утро мужчина пребывал в прекрасном расположении духа. Прихожане отметили невероятную пылкость и страстность в речах священника. Одна из прихожанок даже посмела сказать, что с ним гораздо интереснее про-

ходят службы, нежели с прошлым священником, который, из-за старости, уже сам впадал в дрему от своих речей, а затем, испугавшись своих собственных слов, спешно попрощалась и ушла.

Яков лишь застенчиво засмеялся, не желая смущать ни себя, ни прихожанку. Всё в его движениях показывало лёгкость и степенное спокойствие, однако, нервная, слегка видимая дрожь, пробежала по телу мужчины, если его взгляд встречался с взглядом Эдны. Девушка выражала полную противоположность – это было подавленное создание, в глазах которой лежала тень разочарования, бессонной ночи и пролитых слёз.

Она была олицетворением молчаливого горя, краха надежд, но, в глубине души отца Якова, молчаливым желанием, хранителем тайны, которая была только между ними.

Когда служба была окончена, священник робко подошёл к Эдне:

– Что же тебя так расстраивает, дитя моё? – с напускной лаской проговорил священник.

– Она практически всю ночь плакала, как пришла к нам, – сказала рядом сидящая сестра Августа.

– Тебя кто-то посмел обидеть? – Яков испытующе посмотрел на Эдну. Девушка выдержала взгляд священника и, спустя мгновение, она отрицательно покачала головой.

– Что же её так расстроило? – спросила тихо сестра Августа, поглаживая плечо Эдны.

– Видимо скучает по дому. Утешь, Господь, невинное дитя и принеси ей покой и душевную радость, – взволнованно прошептал священник, слегка приподняв руки для молитвы.

– Пусть Господь услышит наши молитвы, – так же тихо продолжила сестра Августа.

– Да будет так! – чуть громче произнёс священник, тем самым поставил точку в своём обращении. – Сестра Августа, могу я поговорить с вами наедине?

– Конечно! – женщина убрала руку с плеча Эдны и, поднявшись со скамейки, последовала за священником.

– О чём вы хотели со мной поговорить?

– Буду краток. Об Эдне. Я взял её с собой больше из жалости. Точнее, это было, на самом деле, основным моим порывом...

– Да, ваша просьба об особом уходе могла быть удовлетворена нашими руками.

– Но вы не представляете из какого ужасного позора я её спас. Бедняжку изнасиловали и оклеветали.

– Ох!

– Я не мог оставить её на растерзание.

– Вы поистине сделали всё верно!

– Но она, может быть, по воле Господа, несёт дитя...

– Возможно.

– К тому же я сторонник того, что женщина в такие срамные дни не смеет мне помогать...

– Понимаю...

– Я хотел бы вас попросить проследить за несчастной. Если у неё наступит кровь, сообщите мне. Я буду освобождать её в эти дни от работы и молиться за её здоровье.

– А если не случится такого?

– Наблюдайте каждый день. Если спустя полную фазу луны не случится, будем искать подходящее место для бедняжки, чтобы подготовить её к родам.

– Да убережёт Господь несчастную от тяжкой судьбы.

– Я могу полагать на то, что наша беседа останется между нами?

– Несомненно. Я буду оберегать Эдну как свою духовную дочь.

– Как и я... Я знал, что на вас можно положиться.

Спустя несколько недель священник получил радостную весть от сестры Августы и, как было задумано, он освободил девушку на время этих дней от работы и поблагодарил Бога в молитве за то, что не дал случиться оплошности.

Такое диссонансное поведение мужчина оправдывал тем, что, если Господь позволил такому случиться, значит так оно и нужно. Священник стал считать Эдну своей духовной женой, чтобы усмирить свой стыд и боязнь получить справедливое наказание.

После этого Яков стал находить удовольствие в таком скучном и монотонном действии как исповедь. Среди многочисленных перечислений гнева, несоблюдения поста, кражи

и вранья, попадались случаи блуда. На этом грехе священник выяснял подробности настолько сильно, что исповедующиеся выходили измождённые от долгой беседы и стыда, после произнесённых откровений.

Якову нужно было знать всё: позы, частота, места, чувства, испытанные в начале, середине, конце. Чтобы пресечь малейшие подозрения, священник выборочно допытывал грешника с совершенно другими грехами, тем самым, не заостряя внимания на том, что несладко в исповедальне приходится только тем, кто совершает блуд.

Естественно, всю полученную информацию он испытывал на Эдне, которая вернулась к своим прежним обязанностям. Яков, как влюблённый юноша, только открывший для себя язык любви, всё больше и больше пробовал что-то новое, познавая тело Эдны и свои возможности.

С того самого момента он больше не допускал оплошностей и изливал семя только на бедра или живот Эдне, а затем тщательно убирал следы. Девушка покорно выполняла поручения и не сопротивлялась воле священника, думая лишь о том, чтобы это побыстрее закончилось.

Данные встречи были обыденны и часты, однако каждый из героев хорошо играл свою роль. Один из-за собственного желания, другая – по нужде. Однако каждый переживал настоящую бурю эмоций, и вновь это было разносторонне и непохоже.

Яков испытывал полную эйфорию от происходящего –

всё, о чём он мечтал, случилось. У него была большая паства, которая его чтила и уважала. У него была власть над их душами, но не телами. У него была женщина, которой он владел, а она не смела даже слова ему сказать. У него была власть над её телом, но не душой.

Он почувствовал себя полноценным мужчиной благодаря ей, чего ранее не смогла дать Энн. Однажды он вспоминал её и усмехался собственным мыслям: сейчас она, если осталась живой, стара, имеет выводок детей, которые высосали из неё все жизненные соки и былую красоту. Она явно не так богата и могущественна. А он? Живёт в достатке, любим и уважаем народом, а ещё имеет такую молодую женщину, какой Энн не будет уже никогда!

Даже изначальное чувство стыда исчезло со временем, уступив место чувству собственного превосходства. Лишь только в глазах Эдны он видел то самое чувство, и, очевидно, оно ему не нравилось, поскольку заставляло его спускаться с выдуманного пьедестала в немного некрасивую реальность. Реальность того, что он насильно держит девушку, не давая ей выбор, шантажируя неопределённостью.

Он писал обнадеживающие письма матери Эдне, которые явно с особым усердием читал ей молодой священник, занявший его место. В них Яков описывал Эдну, как девушку, которая вспоминает о печали лишь тогда, когда вспоминает о родном доме, братьях и сёстрах.

“Уверяю Вас, я совершенно позабыл, когда я видел Эд-

ну без улыбки. Это чистое создание усердно трудится и молится. На неё даже засматриваются местные юноши, но она лишь улыбается им. Клянусь вам, это не просто улыбка смущения. Это улыбка лукавства! Но ничего блудного, не подумайте! Девушка целомудренна.

Правда, поклонники иногда настолько настойчивы, что, боюсь, вынужден скоро уступить её самому целеустремлённому и выдать замуж! Не переживайте, я выберу ей жениха, как подобает матери и отцу! Только лучшее! Конечно, я постараюсь учесть её желание.”

Яков был уверен, что подобные слова успокоят беспокойное сердце матери Эдны и был совершенно прав. Он получал ответные письма от матери, написанные рукой священника, в которых она благодарила его за всё.

“Бог свидетель того, как пылко я молюсь о Вашем здравии каждое утро и вечер. То горе, что заставило меня расстаться с моей любимой дочерью, подарил ей шанс на счастливое будущее. О да, моя девочка всегда была улыбчивой, пусть и скромной. Как бы я хотела её видеть в подвенечном платье! Быть может, Господь подарит мне такую возможность. Не сомневаюсь в вашем выборе и с нетерпением жду вашего следующего письма!”

В действительности же было совсем не так. Эдна ни разу не улыбнулась при священнике с тех самых пор, как мужчина взял её против воли в собственной спальне.

Во время соития её взгляд был мёртвым и безучастным –

никто не смел смотреть друг другу в глаза. Однажды Яков сделал это, и в этот же миг мужчина не смог совершить желаемое из-за опавшего члена.

Когда они не занимались грехопадением, взгляд Эдны источал укор. Врождённое молчание придавало гнетущую силу и тот, кто был перед ней виновен, испытывал величайший дискомфорт. Яков не раз просил девушку не смотреть на него так.

“Твоё нынешнее положение – лучшее, что могло с тобой произойти. У тебя есть одежда, крыша над головой, еда, работа. Я ещё не чудовище. Ты ещё не видела настоящих чудовищ!” – в подобном ключе умоляюще оправдывался священник, когда вновь испытывал на себе этот жгучий взгляд осуждения.

Трусливо священник отгонял потенциальных поклонников от Эдны, считая, что каждый мог так же желать несчастную, как и он сам. Все попадали в список потенциальных соперников, даже слеповатый и глухой старец, просящий подавание у входа в церковь. Никто не смел говорить в сторону Эдны более трёх фраз, чтобы не попал под подозрение священника и не был отчитан за грех прелюбодеяния, даже в мыслях.

Лишь сестра Августа могла рассказывать Эдне больше положенного. Женщина действительно нежно обходилась с девушкой, считая её своей подопечной. Она помогала ей с работой, если девушка уставала, давала советы, учила готовке,

шитью и музыке, и даже читала вслух книги, пусть и религиозного характера.

Именно с ней Эдна она действительно улыбалась, ведь в этот момент она вновь становилась ребёнком, находящийся под крылом ласковой и заботливой мамы. С сестрой Августой она охотно выполняла задания, представляя, что всё это делает не для паствы, а для своих младших братьев и сестёр. Именно с ней она чаще всего вспоминала свою семью, но эти воспоминания не приносили ей печали.

Именно с ней она забывала о гнетущем одиночестве, печали, позоре. Больше всего на свете Эдна жалела о том, что не могла разделить с монашкой беседы. Однако вскоре её жизнь полностью переменилась после того, как в город прибыл мужчина по имени Самуил.

6 Глава

Несколько лет тому Самуил помогал старому священнику тем, что по своему желанию оплатил работу по росписи потолка в церкви. Самуил был великодушным грамотным человеком, верящий в добро, несмотря на пережитые тяготы.

Он, мужчина средних лет, потерявший жену и новорожденного ребёнка, не желая больше жениться, остался жить вместе со своим престарелым отцом, который уже практически не мог самостоятельно передвигаться.

Время от времени Самуил исчезал из города в море, поскольку не мог долго оставаться в том месте, где когда-то

был счастлив. Когда же мужчина возвращался с экспедиций, все заработанные деньги он отдавал церкви, молясь о своей умершей семье и здоровье отца.

Он не видел смысла в своих заработках, потому считал, что отдаёт свои сбережения тому, кто может правильно распорядиться этим и передать тому, кто поистине нуждается в этом. Так у него и наладилась крепкая дружба со старым священником, который благодаря средствам Самуила помогал бедным.

Перед тем как отправиться в свою последнюю экспедицию, Самуил прощался со старым священником, болезнь которого стала прогрессировать. Моряк понимал, что, когда он вернётся с экспедиции, то, возможно, не застанет своего старого друга живым.

Старый священник также понимал, что это прощание будет окончательным и пообещал, что даже если его дряхлое тело уже будет погребено, он даст о себе знать тем, что будет помогать присматривать за отцом Самуила до тех пор, пока Господь не решит забрать его к себе.

На этом они и расстались.

Когда Яков заменил умершего священника, сестра Августа сразу предупредила об обещании, данное Самуилу. Так, не желая портить отношения с прихожанином, а уж особенно с таким, кто приносит свои сбережения, священник отправлял Эдну присматривать за стариком.

Когда Самуил прибыл в город, первым делом он напра-

вился домой поприветствовать отца и, узнав от него те самые печальные вести о смерти старого священника, направился на кладбище, искать нужную могилу.

“Три года. Три года я был так далеко. Ещё немного, и мы могли бы с вами поприветствовать друг друга в последний раз. Не успел.” – тихо проговаривал Самуил, стоя перед деревянным крестом, на котором было нацарапано то самое имя, которое он не хотел видеть.

Местная монашка, прибирающая кладбище, увидела знакомый силуэт мужчины и немедленно подошла к нему:

– Самуил! Хвала Отцу! Вы прибыли!

– Да, хвала навеки, – горестно ответил Самуил.

– Как ваше путешествие? С вами ничего не случилось? Как давно вы уже здесь? Мы сдержали своё обещание и присматриваем за вашим отцом. У него такая очаровательная помощница. Немая девушка, но покорная и старательная. Ваш отец ни в чём не нуждался... – женщина не могла скрыть своего радостного волнения.

– Я знаю. Уже разговаривал с ним об этом, – спокойно перебил Самуил и слегка улыбнулся. – Радует, что слово крепко даже со сменой священника. А как он вам?

– О, прекрасный, умный человек. Думаю, вы с ним найдёте общий язык. Конечно, он не заменит нашего... – монашка опустила глаза.

– Да, понимаю, – сдержанно ответил Самуил. – Можете привести меня к нему?

– К отцу Якову? Ну конечно! Уверена, он будет рад знакомству с вами.

Обычное знакомство проходит сдержанно и скромно ввиду того, что собеседники скованны и неуверенны, смогут ли они понравиться друг другу. Так же произошла и встреча между священником и моряком. Однако смена священника не стала исключением для того, чтобы Самуил вручил церкви очередную сумму денег, вырученных с экспедиций.

Яков скромно принял эту сумму и сразу предупредил, что планирует обустроить зернохранилище для того, чтобы в случае каких-либо потерь, горожане могли прийти и взять столько припасов, сколько было бы им необходимо.

Несмотря на его порок, который был никому не известен, отец Яков в остальных случаях честно выполнял свой долг священника, потому в этих словах, данных Самуилу, он не лгал. Моряку понравилась деловая хватка нового священника и, на мгновение, испытал к нему доверительную симпатию:

– Я помогу вам со строительством. Работа на корабле заставляет развивать в себе различные способности.

– Буду весьма признателен. Однако, как мне кажется, сейчас вы нужны своему отцу.

– С отцом мы никогда не были многословны. Каждый из нас обладает непростым характером. Он прекрасно понимает, что я не могу подолгу находиться в том доме.

– Понимаю. Я знаю вашу историю.

– Потому я бы хотел вас попросить об оказании встречной услуги.

– Всё что вам угодно.

– Оставьте ухаживать ту немую девушку за моим отцом.

Она ему нравится. По дороге к вам мне рассказали, что она прибыла с вами.

– В-верно, – запнулся Яков. – Может быть вам нужен другой человек. Всё-таки отец нуждается в общении, а она... не может составить ему компанию.

– Поверьте, я знаю своего отца. Он ранее мне жаловался, что терпеть не может учтивых и чересчур болтливых особ.

– Что ж, пусть будет так. – тихо произнёс Яков, стараясь скрыть своё недовольство.

– Мне кажется, вы не совсем довольны? – спросил Самуил, изучая выражение лица священника.

– Ну что вы, я просто планировал её отправить на другую работу. Но, так уж и быть, перестрою свои планы. Я не имею права вам отказать, – учтиво улыбнулся Яков.

“В конце концов, он же немощный старик. Он ничего не сможет с ней сделать, а этот моряк ходячий монах.” – думал про себя священник в этот момент.

Как бы ни успокаивал себя Яков, однако ревность, сидевшая в глубине его запутанной души, не давала покоя. Эдна стала позже приходить, а во взгляде, ранее пустом и печаль-

ном, появился проблеск надежды и какой-то тайны.

Священник сходил с ума, изъедая себя подозрениями. Часто, во время их соитий, он выпрашивал показать, как её ублажает этот моряк, однако Эдна лишь вопросительно смотрела на Якова, а затем, впервые за всё это время, улыбалась, глядя в глаза её ненавистному ревнивцу.

Именно сейчас мужчина жалел, что Эдна не умеет говорить, иначе бы явно услышал едкую колкость в свою сторону. Это, безусловно, обидело бы его, но сняло бы все предположения, внося ясность.

Но молчание его убивало. Подозрения без доказательств приносили душевные метания. Эдна не беременела, не приходила растрёпанная, никто не пускал сплетен, однако что-то всё же в ней изменилось. Что-то заставило её быть смелее, из-за чего Яков стал бояться этой незаметной служанки.

Самуил часто приходил в гости к Якову и, когда Эдна присутствовала при их разговорах, их взгляды не раз встречались друг с другом, а на лице Эдны появлялась лёгкая улыбка.

Однажды Яков не выдержал подобного, как он считал, оскорбления и, как только Самуил закрыл за собой дверь, грубо схватил Эдну и взял её силой, положив её на стол.

“Ты думаешь, я ничего не вижу? Ты прелюбодействуешь с ним! Думаешь, ты ему нужна? Да не нужна ты ему! Будь его воля, он бы уже был в одной могиле со своей женой и ребёнком! Если он узнает твоё прошлое и настоящее, то лич-

но отправит тебя в бордель, куда тебе и дорога! Вот так он тебя ублажает? Да? Почему сейчас не улыбаешься? Потому сейчас не он, а я?”

Ревность настолько поглотила Якова, что ему казалось, что даже сейчас Эдна смотрит на него с презрением, однако с примесью тайны, которая заставляла чувствовать мужчину поражённым, глупым и слабым. Как будто перед ним предстал облик злосчастной Энн.

Закончив своё постыдное дело, священник дал Эдне пощёчину. От неожиданности Эдна упала на пол, однако, спустя секунду, спокойно встала и, отряхнув свой наряд, спокойно ушла.

“Почему она не заплакала? Почему она не испугалась? Что с ней происходит?” – задыхался от злости Яков. – “Проклятый моряк! Неужели он так хорош? Да что бы она делала без меня? Почему? Почему она себя так ведёт? Почему она ушла без моего разрешения? **Почему я испуган и не бегу за ней?**”

На следующий день, когда Эдна отправилась, как обычно, на рынок, к отцу Якову неожиданно пришёл Самуил. Священник, ничего не подозревая, жестом пригласил моряка за стол:

– Чем могу быть обязан моему постоянному гостю? – любезно начал беседу отец Яков.

– Дело серьёзное. Я хотел бы поговорить об Эдне. – начал

Самуил, многозначительно посмотрев на священника.

– И-и что же вы хотели бы обсудить? – голос священника предательски задрожал.

– Я всё знаю. Я знаю, что ты творишь с Эдной. Она же дитя. Если бы моя семья была жива, мой ребёнок был бы даже старше этого несчастного создания!

– Как? Она же не может говорить? Вы лжёте! Я священник! Я требую уважения к себе!

– Почему же вы тогда так беспокоитесь? – процедил Самуил. – Можно было бы спокойно сказать, что я наконец-то обезумел от горя. Но вы выдаёте себя.

– Как?

– Я много путешествую. У нас были разные работники: от должников и беглецов, до никому не нужных сирот. Среди них были и немые. Между собой они общались. Чтобы общаться с ними, я учился их языку.

Когда я прибыл домой, мой отец сразу объяснил, кто за ним сейчас ухаживает. Он заметил, что девушка чем-то напугана и попросил меня с ней пообщаться. Она не знала этого языка. Постепенно я обучал её этому языку.

Вот почему она опаздывала. Не из-за тех причин, которые вы надумали себе. Поверьте, меня никогда не посещали столь гнусные мысли.

Вы знали, что она любит сливы? Вы хоть что-нибудь о ней знали? Вас интересовала её душа? Вам было интересно, что она чувствовала?

Она мне всё рассказала! Мерзавец! Как гнусно ты с ней поступил! И ты смеешь носить рясу священника! Да ты дьявол!

– Ты ничего не сможешь доказать!

– Я сам своими глазами видел, что ты с ней делал. Я вчера как ты имел её на этом столе, за который ты сажал меня! Я видел твой голый зад и её задранные ноги! Как ты кричал ей эти гадости в лицо! Ты думал, что я занимаюсь таким же постыдным делом!

Я хотел вернуться, чтобы предупредить, что сегодня я не буду занят стройкой, но в окне я увидел это зрелище! Я не смел зайти, чтобы окончательно не втоптать в грязь честь Эдны. Всё, что она мне говорила, было сущей правдой!

И я стал тому свидетелем! Я не смог смотреть более и сбежал как трус. Для меня это стало ужасающим открытием! Сколько она терпела подобное издевательство к себе?

Благодаря общению с церковью я знаю куда обращаться.

Я написал в этот же день письмо епископу...

– Лжёшь! – закричал Яков. Охваченный страхом разоблачения, мужчина схватил нож и всадил в грудь Самуилу. Краткое “Ох” вырвалось у поражённого мужчины. Моряк обеими руками схватился за рукоять ножа, застрявшую в груди. Силы стремительно покидали его, и потому нож так и остался в груди Самуила. Мужчина скатился со стула на пол.

“Лишат сана...”

Мерзавец...

Тебе конец...”

Лужа крови разрасталась, а глаза, ещё недавно горевшие огнём справедливости, потухли.

“Что же я наделал? Это конец! Это грех! Зачем? Я убил его! Зачем?!” – кричал Яков, испугавшись собственных действий.

В этот момент дверь открылась и в дом вошла Эдна с накрытой корзинкой, чтобы как можно дольше сохранить купленный кусок мяса. От увиденного, девушка уронила корзинку.

“Эдна. Я не убийца. Я не хотел!” – жалобно простонал Яков. – “Я испугался. Это ты виновата. Ты всё ему рассказала...”

Эдна взглянула на священника. Она не скрывала своих подступивших слёз.

“Эдна, прошу тебя,” – священник подходил к ней, а голос становился грубее. – “Ты не должна никому об этом говорить. Видишь, как плохо открывать тайны.”

Эдна пятилась назад, обратно к двери.

“Эдна. Мне страшно! Эдна!” – кричал священник, однако девушка убежала из дома, не оглядываясь. Яков не смел шелохнуться, чтобы догнать её, остановить. Он понимал, что это конец.

Эдна вернулась и привела с собой дежурящих по городу.

Отца Якова нашли на том же самом месте перед телом убитого Самуила. Священник не пытался бежать. На все вопросы, касающиеся убийства, он отвечал, что убил моряка из-за того, что Самуил потребовал обратно свои деньги.

Новость о случившемся настолько повергла народ в шок, что местной полиции пришлось защищать священника от местного самосуда. Долгое время Яков сидел в подвальном помещении, время от времени выходя на допросы.

Дело было весьма необычным: ни разу не было ещё такого случая, чтобы священник убивал человека. Из-за сана Якова долгое время никто не мог вынести подходящий приговор.

Однако на очередном допросе наконец-то тронулся лёд. Яков, как обычно, пришёл в сопровождении стражи и, не сопротивляясь, сел на скамью. Перед ним находился пьедестал, на котором сидели шесть представителей правосудия. Среди них был представитель от епископа. Увидев его, Яков понял, что письмо Самуила дошло.

“Теперь это точно конец.” – прошептал про себя Яков.

Он не слушал, что зачитывали судьи, ведь это происходило уже много и много раз. Одно и то же. Нож в сердце. Местный житель. Престарелый отец. Конфликт. И каждый раз судьи откладывали приговор.

Но на этот раз всё изменилось. После цитирования одного и того же положения дел представитель епископа понял перед собой исписанный лист. Это было то самое письмо Самуила. Только отдельные фразы доходили до сознания Яко-

ва:

“Возможно это стало причиной убийства...

Подсудимый лжёт о причине...

Совращение...

Нарушение закона...

Грех...

Написано убитым за день до его смерти...

Необходимо подтверждение написанных слов...

Приведите её!”

На этом месте взгляд Якова устремился на отдельно стоящий маленький пьедестал. На него, при сопровождении стражи, зашли Эдна и сестра Александра. Девушка была напугана, а монашка держала её за руку в знак поддержки. Кажалось, Яков потеряет сознание. Тем временем голос представителя епископа продолжал:

“Только что мы зачитали письмо убитого....

Вы лично знали его...

Это правда?”

Эдна, повернув голову к Якову, утвердительно кивнула. После этого сестра Александра сразу же отвела Эдну в дальний угол, подальше от посторонних взглядов.

“Мы оглашаем вердикт...

Немедленно лишить сана...

Завтра...

Выносить приговор перед народом...

На площади...

Судить **как обычного человека...**”

Якова увели в его камеру. Вот и всё. Завтра состоится окончательное слушание. Но мужчину это не пугало. Он знал, что скорее всего его лишили сана для того, чтобы казнить. Он не боялся смерти. Его пугало другое. Он будет таким же, **как и все.**

“Я теперь никто. Так же, как и они. Таким же грязным, голодным, рано умирающим. Что теперь отличает меня от них, этих жалких существ? Ничто! Я не смею терпеть подобное унижение! Я так долго к этому стремился!

Они будут все там. Эдна будет улыбаться. Эдна. Эдна. Энна. Явно весть обо мне дошла до её ушей. Если она жива, то явно приедет из другого города, чтобы посмотреть на очередной мой позор! Ни за что! Я лучше всех их! Они меня обожали! И если бы не этот случай, то и дальше бы ни о чём не подозревали! Тупоголовые овцы!

Не позволю! Не позволю выйти к ним как простой человек! Ни за что!”

На этих мыслях он разбил посудину, в которой ему приносили еду, и, взяв осколок, стал вспарывать себе вены.

На следующий день, когда площадь наполнилась местными жителями, на помост вышел один из судей и проговорил: “Заседание отменяется. Обвиняемый сам выдвинул себе приговор. Вчера вечером он вспорол себе вены.”

Недовольный гул народа разошёлся по всей площади – все хотели видеть собственными глазами ужас на лице бывшего священника.

“Хотя так, этой собаке, и надо. Нечего ему устраивать пышные проводы на эшафот. Много чести для обычного человека.” – проговорила одна из местных жительниц.